

НАШИ ПРЕДШЕСТВЕННИКИ

Татьяна ЩУРОВА
Манящие огни рампы248

Манящие огни рампы

В мае 1911 года 25-летний Саул Цинеман (псевдоним С. Альцестов) родом из соседнего Аккермана стал редактором-издателем одесского журнала "Сцена и жизнь", задуманного как еженедельник. От редакции, как обычно, последовали уверения о том, что, например, "мы воздержимся от громких реклам, имеющих целью завлечь доверчивого читателя...". Хотя уже через несколько строк находим противоположное: "Наш журнал будет единственным органом в России, который охватит все то, что только может интересовать каждого интеллигентного человека...". Молодого задора (а может быть, и средств) хватило на выпуск лишь двух номеров. Подозреваем также, что драматургу С. Альфредову очень хотелось увидеть напечатанной свою пьесу "Королева" из жизни барона, графа и шансонетной певицы.

Под другим псевдонимом, Ц. Неман, редактор дал еще материал "Краткие очерки европейской сцены" (от Древней Греции до XVI в.). Он стремился познакомить читателей с обзором иллюзионов — кино активно вторгалось в быт горожан; дать хронику провинции, забавно перечисляя театры Владивостока, Харбина, Керчи, Николаева, Перми, Москвы. Вероятно, историкам театра будет интересно прочесть мнение известных артистов о проблемах репертуара в еврейских театрах ("играем при полупустых залах"). Любезной публике предлагалась еще салонная поэзия малоизвестных авторов и не очень смешные юмористические странички.

Просуществовал журнал "Сцена и жизнь" дольше, он вряд ли бы мог конку-

ризовать с ежедневной газетой "Одесское обозрение театров", ставшей выходить с сентября того же 1911 года и продержавшейся почти семь лет благодаря профессионализму издателей и журналистов. Он остался полузабытым фактом в истории одесской журналистики.

В апреле 1914 года была сделана еще одна попытка выпустить в Одессе театральный журнал. 27-летний студент Новороссийского университета Саул Блоцек, имевший небольшой опыт сотрудничества в периодике, стал редактором-издателем единственного номера журнала "Одесская рампа". Судя по напечатанным в нем материалам, издание это могло бы стать интересным и оперативно информационным. Например, в журнале было напечатано либретто фильма "Три мушкетера" с многочисленными фотоиллюстрациями, рекламой и рецензиями по поводу одного из самых шумевших боевиков сезона по роману А. Дюма. В то время началась борьба за художественность в кино. Кинематограф не без труда завоевывал свое место под градом критических стрел.

Как событие были отмечены гастроли артистов киевской драмы театра "Соловцов" Н.Н. Синельникова, труппа которого считалась лучшей из провинциальных. Одесситы имели возможность видеть игру знаменитых Елены Полевицкой, Степана Кузнецова, Николая Радина (внука Мариуса Петипа). Разнообразный серьезный репертуар этого театра сделал бы честь любому театру и сегодня. В другом материале говорилось о насущной потребности в создании в Одессе детского театра, рекламировались гастроли 12-летнего виртуоза скрипки Яши Хейфеца в зале Новой Биржи.

Нашлось место в журнале и для сентиментального рассказа "Клоун", раскрывающего психологию людей того времени, может быть, не совсем понятную нам.

С большим интересом читается статья критика Алова "Театр в Англии", многими точками определенно соприкасаемая с проблемами нашего времени. И тогда, и сейчас "от театра требуют смеха, задора, веселья после напряженной недели... Отсутствие публики на интересных глубоких спектаклях — лишнее доказательство печального положения английского театра... В театр идут не учиться и не страдать. Довольно этого и в жизни...".

Все это писалось об английском театре и в противовес говорилось о благородном отношении к театру у нас как о "высшей школе человеческого служения и горения сердца". Ох, не растеряли ли мы этих качеств за прошедшие годы?..

Татьяна ЩУРОВА

Три Мушкетера.

Закрыты сеанс ў Палась-театр.

Вь мінувае воскресенье вь "Палась-Театр" для адміністраціі, прадставітэлей артэстэскага міра і журналістоў састаняся закрыты сеанс для прасмотра нашумьвэйшэй заграціцэі карціны "Тры Мушкетэра" інсценіраваннаі па знамітэму роману Алэксандра Дюма.

Срэды всьх карцін, кога лібо паявліваіхся на кінамаграфічэскам рынк, фільма "Тры Мушкетэра", выпушчэна "Film d'Art", выдэляеца сваім рэдкаім художэстэнным і артэстэскаім ісполнэніэм.

Дэманстраваніе карціны прадолжалась вышэ 2-х часоў і вызвала неподдэльны восторг у прасутствавашіх на закрытом сеанс гостэй.

...Правда бываютъ рѣдкіе случаи, когда кинематографъ выступаетъ во всемъ блескѣ своего достоинства, но это бываетъ, къ сожалѣнію, рѣдко. Недавно мнѣ пришлось смотрѣть безсмертныхъ "Три Мушкетера" по знаменитому роману А. Дюма въ закрытомъ сеансѣ одного изъ кино-театровъ Одессы. Картину эту выпустила Парижская фирма "Film d'Art" при участіи лучшихъ артистовъ парижскихъ театровъ "Comedie Francaise", "Vaudeville", Theatre du Gymnase и мн. др. Скептически настроенный, равнодушно глядѣль я на первые части ленты. Восторгъ очевидца, раньше смотрѣвшаго "Три Мушкетера", мнѣ не передавался. И только съ развитіемъ дѣйствія, меня охватила такая то сила, нервы были напряжены до крайности, задѣтые тонкой игрой и художественно продуманной мимикой артистовъ, стильными фигурами, вѣрными эпохѣ Людовика XIII, и общимъ эффектнымъ колоритомъ. Блестящее, даже талантливое исполненіе ролей, далекихъ шаблонному стилю "кинематографическихъ артистовъ", рос-

кошная обстановка, замѣчательная режиссерская рука — одно достойно другого. Рядомъ со мной сидѣлъ режиссеръ мѣстнаго театра и онъ не могъ скрыть своего удивленія по поводу талантливой инсценировки съ выдающимися силами. Впечатлѣніе вынесли цѣльное, законченное — съ такимъ чувствомъ удовлетворенія, съ какимъ выходишь обыкновенно изъ театра послѣ постановки высоко художественныхъ произведеній. Роль Д. Артаньяна въ рукахъ Debelly изъ Comedie Francaise получила тщательнѣйшую отдѣлку съ подчеркиваніемъ самыхъ характерныхъ мѣстъ. Передъ вами живой гасконецъ со всей яркостью пылкихъ импульсивныхъ движеній.

Красота въ обстановкѣ, красота въ игрѣ, вплоть до такихъ мелочей, какъ подача руки, привѣтствіе, сниманіе шляпы, — все красиво, элегантно въ выдержанныхъ тонахъ. Картина эта, дѣйствительно, "шедевръ синаматографа".

Два часа демонстраціи прошли незамѣтно...

Театральная хроника.

Дѣтскій театръ.

Ни о чемъ, кажется, такъ мало не думаютъ у насъ, какъ о развлеченіяхъ для дѣтей.

Этотъ вопросъ, являющійся первостепеннымъ, всегда остается позади. Всѣ организациі для дѣтей въ зачаточномъ состояніи и разбросаны какъ оазисы по всему необъятному нашему отечеству. Они собираютъ вокругъ себя небольшой кругъ дѣтвора, тогда какъ масса дѣтокъ болѣе всего нуждающаяся въ развлеченіяхъ и зрѣлищѣ предоставлена сама себѣ или же вмѣстѣ со своими родителями наполняетъ сеансы кинематографа, въ которыхъ, такъ живо и ярко, преподносятся чуткому сердечку, пылкой головкѣ какой нибудь любовный сумбуръ Макса Линдера въ спальнѣ графини Зетъ и передъ юнными глазами проходитъ процессъ завязки и развязки любовныхъ интрижекъ съ раздѣваніемъ. На сцѣну всего этого дымаго чада является идея организациі постоянного и дѣтскаго театра, съ разнообразнѣйшей программой развлеченій для дѣтей. Идея новая, красивая, огромная, съ широкимъ просторомъ замысла и работы.

Успѣхъ этого нарождающагося театра показалъ, что подобный театръ можетъ и долженъ существовать. И то, что вначалѣ дѣлается примитивно, впоследствии разросется въ большое серьезное дѣло.

Идею дѣтскаго театра нельзя не привѣтствовать.

Къ предстоящему концерту Яши Хейфеца.

9-го апрѣля одесситамъ вновь предстоитъ услышать маленькаго чародѣя скрипки — 12-ти лѣтняго виртуоза Яшу Хейфеца.

Онъ возвращается въ Одессу послѣ 3-хъ лѣтняго отсутствія уже общепризнанной музыкальной величиной, окрѣпшимъ и выросшимъ физически.

Слава Яши Хейфеца родилась въ Одессѣ.

Четыре года назадъ 8-ми лѣтнимъ ребенкомъ выступилъ онъ впервые передъ одесской публикой и сразу завоевалъ слушателей своей гениальной игрой.

За время своего отсутствія изъ Одессы "чародѣй скрипки" успѣлъ объѣхать чуть-ли не всю западную Европу и всюду: концертноровалъ съ огромнымъ успѣхомъ.

Концертъ Яши Хейфеца состоится въ залѣ Новой Биржи.

Leo

Маленькій фельетонъ.

Пути искусства.

Шла историческая драма.

Толстый герой, изображавшій Генриха IV, упалъ на колѣни предъ щупленькой инженерю Марго, и воскликнулъ:

Повѣрю-ль я,

что ты прекрасное видѣніе,

О заговорѣ гнусномъ знала?

Нѣтъ, никогда!

И если бъ на минуту,

Я мысль такую допустилъ,

То эта шпала...

Публика хохотала.

Большой, сѣрый котъ, съ крысою въ зубахъ, легко выпрыгнулъ изъ оркестра на сцену, и, усѣвшись на плоской суфлерской будкѣ, съ аппетитомъ ужиналъ.

— Печально, — воскликнулъ на утро "Городской вѣстникъ", — что лучший моментъ пьесы, былъ сорванъ, некстати явившимся на сцену котомъ. Мы видимъ въ этомъ недостатокъ режиссерскаго вниманія, и увѣрены, что дирекція впредь позаботится о сохраненіи приличнаго декорума на представленіяхъ историческихъ пьесъ.

— Такъ-что съ васъ, господинъ Шуйскій, пятерочку получить слѣдовать, — докладываетъ сторожъ Егоръ режиссеру. — Всѣхъ, значить, пять штукъ было...

— Вѣрно говоришь? Всѣхъ?..

— Такъ точно, всѣхъ... Вчерась послѣдняго подъ сценой пымаль, и туда же...

— Ну, смотри!.. Получай, и чтобъ больше ни-ни. Сохрани Боже!..

— Будьте покойны-сь.

Шла современная пьеса съ настроеніемъ. Съдой докторъ говорилъ:

— Не пугайтесь. У вашего ребенка дифтеритъ!..

Герония крикнула:

— А-а-ахъ!

И упала въ обморокъ.

На колосникахъ, въ отвѣтъ на этотъ крикъ, таинственно и жалобно отвѣтилъ кошачій голосъ:

— Мя-у-у.

Публика замерла.

— Егоръ!.. Егорка, мерррзавецъ, — шипѣлъ за кулисами режиссеръ, — послѣдняго, а? Прохвость... А это что? Еще послѣдній?.. Пять цѣлковыхъ взялъ, ракалия... Морду тебѣ быть, анафемъ... Что это?.. Кто это, а? Кто?..

— Такъ что котъ или кошка... Кто ихъ знаетъ...

— У-у-у, ты!..

"Вѣстникъ" писалъ: ...видна была опытная рука режиссера. Сильное впечатлѣніе дала сцена, когда фру Баумсунъ узнаетъ о болѣзни ребенка. Режиссеръ сумѣлъ выявить фонъ акта, ударивъ по нервамъ зрителей, правдивымъ крикомъ дифтеритно-больного ребенка.

"Отмѣтимъ кстати, что спектакли послѣднихъ дней идутъ безъ сюрпризовъ, сопровождавшихъ рядъ предыдущихъ представлений. Значить наши указанія не остались гласомъ вопіющаго въ пустынь".

— Егорушка, — говорилъ господинъ Шуйскій, — на-ка пятакъ, печенки, что ли, купи. Покорми котофеича...

Ив. Невѣдомовъ.

Артист К. Парзхамов (шарж).

Макс Рейнгартъ (шаржъ)

Артистка въ шароварахъ.

На дняхъ въ одномъ изъ Лондонскихъ театровъ артистка, играя роль "женщины полусвѣта", выступила во второмъ актѣ, когда, по ходу пьесы, она отправляется на скачки, въ шароварахъ. Дочери туманнаго Альбиона не потерпѣли подобную вольность и подняли страшный шумъ, бросая на сцену вѣры, лорнеты и коробки отъ конфектъ. Часть публики — большинство мужчинъ — стала на сторонѣ артистки и начали аплодировать, другая часть — освистала ее. Поднялся такой шумъ, что режиссеръ принужденъ былъ спустить занавѣсъ. Спектакль возобновился черезъ 20 минутъ, и "смѣлая" артистка принуждена была, по требованію дирекціи, перемѣнить свой нарядъ.

Низвергнутый кумирь.

Послѣ грандіозной рекламы, какая сопутствовала гастролемъ въ Россіи Макса Линдера, его, какъ извѣстно, постигъ не менѣе грандіозный провалъ. Нынѣ, какъ пришлось константировать кинематографическимъ предпринимателямъ, интересъ къ лентамъ съ участіемъ Макса Линдера совсѣмъ упалъ и бывшій кумирь экрана низвергнутъ съ пьедестала.

Реклама съ театральной сцены.

Одинъ изъ нью-іоркскихъ фабрикантовъ мыла надумалъ рекламировать вырабатываемое на его фабрикѣ мыло со сцены одного изъ лучшихъ театровъ въ Нью-Йоркѣ. Онъ подкупилъ для этого примадонну, которая, играя роль лэди Макбетъ, въ трагедіи Шекспира "Макбетъ", должна произносить придуманныя имъ фразы, цѣль которыхъ была — обратить вниманіе всѣхъ зрителей на производимое имъ мыло. И вотъ когда лэди Макбетъ вела лучшую свою патетическую сцену, отирая воображаемые слѣды крови съ руки послѣ убійства, — артистка, къ немалому негодованію истинныхъ знатоковъ любителей драматическаго искусства, произносила: "О если-бы у меня было теперь въ рукахъ мыло фирмы братьевъ Фишъ и Къ, которая помѣщается на 14-ой улицѣ, я смыла бы эту кровь и избавилась бы отъ страданій!"

Одинъ изъ нью-іоркскихъ фабрикантовъ мыла надумалъ рекламировать вырабатываемое на его фабрикѣ мыло со сцены одного изъ лучшихъ театровъ въ Нью-Йоркѣ. Онъ подкупилъ для этого примадонну, которая, играя роль лэди Макбетъ, въ трагедіи Шекспира "Макбетъ", должна произносить придуманныя имъ фразы, цѣль которыхъ была — обратить вниманіе всѣхъ зрителей на производимое имъ мыло. И вотъ когда лэди Макбетъ вела лучшую свою патетическую сцену, отирая воображаемые слѣды крови съ руки послѣ убійства, — артистка, къ немалому негодованію истинныхъ знатоковъ любителей драматическаго искусства, произносила: "О если-бы у меня было теперь въ рукахъ мыло фирмы братьевъ Фишъ и Къ, которая помѣщается на 14-ой улицѣ, я смыла бы эту кровь и избавилась бы отъ страданій!"

Жрица любви.

Шумная зала, огнями залитая,
Дѣланнѣмъ, грустнѣмъ весельемъ кипить;
Знаніе, золото, бѣдность забытая
Все здѣсь сравнялось и рядомъ сидить:
Рядомъ съ юнцомъ, заглушая стенаніе
Дряхлаго тѣла, ютится старикъ.
Всѣхъ ихъ согнало слѣпое желаніе,
Тѣла могучій, мучительный крикъ.
Въ мрачномъ углу, огражденномъ рѣшеткою,
Блѣдный таперъ, въ ожиданьи монетъ,
Бѣшеннои, знойнои мазуркою, какъ плеткою,
Гонить сидящихъ на скользкій паркетъ.
Запахомъ мускуса, вольными позами
Жрицы огонь зажигаютъ въ крови...
Это — любовь не прикрытая розами...
Это — капище продажной любви...

Вотъ по паркету веселая, страстная,
Въ бѣшенномъ танцѣ несется одна, —
Ей не до танцевъ. Вахханка несчастная
Тяжкимъ недугомъ — чахоткой больна.
Только въ глазахъ ея мрачно сверкающихъ,
Грустныхъ, тоскливыхъ, какъ сумрачный день,
Вижу я отблескъ огней догорающихъ...
Близкой могилы печальную тѣнь...
Вижу я душу прекрасную, нѣжную
Душу — цвѣтникъ увядающихъ розъ...
Душу — какъ чайки крыло бѣлоснѣжную...
Душу — кладбище порывовъ и грезъ...
Силы изсякли... Зловѣще дыханіе...
Въ жилахъ бушуетъ губительный ядъ...
Каплю, хоть каплю одну состраданія!
Молить ея угасающей взглядъ.
Танецъ кончается... Слабая, блѣдная
Взоромъ блуждаетъ, добравшись до мѣсть.
Вся она — пѣсня порока побѣдная...
Вся она — жизни разбитой протестъ...

С. Гольдрингъ.

Два сонета.

ОСЕНЬ.

Сквозь бѣдный полусвѣтъ заплаканныхъ полей,
Сквозь тихіе пути земли осиротѣлой,
Я слышу робкій зовъ души твоей несмѣлой,
Я вижу скрытый лучъ въ тиши твоихъ очей.

Ты вся — въ далекомъ снѣ, ты — въ жизни помертвѣлой,
Такая кроткая, въ нѣмой тоскѣ своей,
Такая чистая, боишься прошлыхъ дней, —
Но въ глубинѣ души имъ молишься несмѣло.

Межъ сущимъ и былымъ — глубокой океанъ
Тоски, любви и думъ, и мирнаго забвенья,
Но вотъ, попржнему, тобой я нынче пьянъ!

И эта даль полей, подъ сумеречной сѣнью,
Хоть раздѣляетъ насъ, далекихъ и чужихъ,
Но и сливаетъ насъ, какъ два созвучья стихъ!

МОЯ ЛЮБОВЬ.

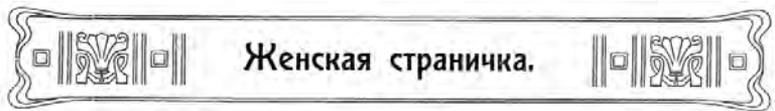
Тиха моя любовь, какъ бѣлый сонъ,
Любовь моя, чуть слышная, какъ шорохъ:
Ты — гдѣ то далеко, въ иныхъ просторахъ,
Но нѣжностью твоей я вознесенъ.

Люблю мою любовь въ пѣвучихъ взорахъ,
Но тѣсно ей въ кругу земныхъ сторонъ, —
Ее пугаетъ буря, блескъ и звонъ;
Понятежь ей души неясный шорохъ.

Тиха моя любовь — и не нужны
Ей рѣчи золотыя одѣянья,
И вся она — въ дрожаньи тишины.

Въ словахъ она была-бы — какъ рыданье.
Какъ Богъ, скрываясь въ безднахъ вышины,
Она молчитъ и только льетъ сіянье.

Семень А.

ШАРОВАРЫ.

(Нѣчто въ родѣ критическаго очерка).

Меня приводит въ восторгъ писать на тему о шароварахъ и углубляться въ размышленія по этому поводу, и въ то время, какъ я пишу, на лицѣ моемъ появляется, какъ я чувствую, ироническая улыбка. Женщина прекрасное существо; объ этомъ никто не спорить. Что же касается шароварной моды, которая склонна возбуждать мужчинъ и заставить сильнѣе биться ихъ сердца, то послѣдняя направляетъ мысли серьезно настроеннаго человѣка прежде всего на то, что они прикрываютъ, т. е. на ножку...

Всякъ, кто какъ я, любитъ и почитаетъ женскія ножки, кто восторгается ими, тотъ, очевидно, долженъ мириться съ этой новой "шароварной модой"!

Я явный сторонникъ этой моды, хотя, съ другой стороны, ничего не имѣю противъ юбки, и стою и за нее!

Юбка привлекательна, нѣжна, вызываетъ почтеніе и имѣетъ въ себѣ что-то таинственное и неразгаданное...

Шаровары, несомнѣнно, грубѣе и внушаютъ мужской душѣ нѣкоторое отвращеніе, какъ-то отталкиваютъ, но съ другой стороны, почему бы насъ, дѣтей XX вѣка, не пробрала хотя-бы на время страхъ?. Мнѣ кажется, что намъ даже необходимо быть разбужденными и потрясенными!... А, впрочемъ, еслибы на свѣтѣ все строилось по моей

указкѣ, чего на самомъ дѣлѣ, къ моему великому удовольствію, не бываетъ, то тогда шаровары должны быть совсѣмъ стуженными до такихъ предѣловъ, чтобы они очень тѣсно прилегали къ мягкому, подвижному тѣлу, такъ сказать срослись бы съ нимъ, ну, въѣлись бы въ тѣло, — что-ли!?..

Для меня это означало бы полный триумфъ моды, и я умру или, по меньшей мѣрѣ, упаду въ обморокъ отъ восхищенія, если на пути реформы женской одежды подобное превращеніе будетъ достигнуто... Во всякомъ случаѣ, въ этомъ направленіи уже многое достигнуто, и мы, мужчины, отброшенные и достойные сожалѣнія, мы "Творцы мірозданія", должны будемъ покорно-боязливо взирать на грядущее...

Нѣтъ сомнѣнья, что къ шароварной модѣ прибавится еще кое-что, и въ настоящее уже время замѣчается новое теченіе, касающееся, прежде всего, вопроса о кроѣ.

Откровенно говоря, мы, мужчины, не имѣемъ больше кроя, такъ какъ таковой переняли у насъ женщины и, дѣйствительно, какъ только женщина въ шароварахъ появляется на площади или на улицѣ, она сейчасъ-же стыдливо прячется въ первую подворотню или же, на подвернувшейся пролеткѣ отъ "зауськиванья толпы"...

Шаровары имѣютъ въ себѣ что-то азиат-

ское, или турецкое и безвкусны, какъ, вообще, турецкіе штаны и тюрбаны.

Но вѣдь можетъ случиться, что "шароварная мода" не останется на точкѣ замерзанія и будетъ постепенно совершенствоваться и по формѣ.

Штаны, въ концѣ-концовъ не больше, какъ штаны.

О, женщины, слушайте! Если вы серьезно хотите намъ импонировать, то вы должны быть болѣе отважны и требовательны въ вашихъ "шароварныхъ" требованіяхъ!

Прелестницы!

Я допускаю, что въ одинъ прекрасный день вы появитесь на улицахъ и площадяхъ въ совершенно иномъ видѣ...

Собственно говоря, отъ "Шантеклера" къ "шароварамъ" одинъ только шагъ. и этого роковой шагъ пройденъ!

Неужели же назадъ!

Ни въ коемъ случаѣ! Женщины, крѣпко держите знамя прогресса!

Собственно говоря, очень жаль юбку, которая хочетъ исчезнуть! Неужели же Парижъ обѣднѣлъ идейно? Жаль, право жаль прежняго мыслящаго и нѣсколько мечтательнаго Парижа, который теперь не существуетъ болѣе, ибо — фактъ — шароварной модѣ недостаетъ больше т а л и!

Если въ женской фигурѣ было что-нибудь интреснаго, то это талія. А теперь самое дорогое уничтожено. Несомнѣнной принадлежностью панталонъ должна быть красивая талія, а главное красивыя очертанія спины. Нужна грація, красивыя линіи, нужно то, что нѣмцы называютъ Schwung!..

Но теперь женщина въ области моды не имѣетъ больше серьезныхъ стремленій къ

формѣ! Онѣ отказываются что-либо изображать, и это лучше всего доказываетъ, что онѣ насъ, мужчинъ, ненавидятъ, третируютъ, Въ этомъ отчасти заключается секретъ шароварной моды.

Грустно и печально!

Мужчины, и вы потерпѣли сильное фіаско, но въ утѣшеніе скажу вамъ, что и женщины попали впросакъ! Все это несомнѣнно доказываетъ одно: паденіе привлекательнаго...

Господи, неужели женщины хотятъ сдѣлать себя несчастными, заставляя мужчинъ видѣть въ нихъ сотоварищей по шароварамъ, но, признаться, шароварная мода есть финалъ политической мобилизаціи женщинъ!

Въ шароварахъ гораздо легче пройти бѣдняжкамъ къ избирательнымъ урнамъ. Но если бы онѣ только знали, какъ тяжело, грустно и душераздирающе больно видѣть подобную мистификацію во имя культуры и обще-гражданскихъ интересовъ! Вы, женщины, становитесь палачами тѣхъ возвышенныхъ чувствъ и стремленій, которыя питаютъ къ вамъ мужчины. Вѣдь кто изъ васъ дерзнетъ публично сказать, что вы дѣйствительно одѣваете шаровары изъ сознанія своего гражданскаго достоинства? Ваша эксцентричность въ данномъ случаѣ — прямая противоположность тому, къ чему вы стремитесь.

И хотя всякій рыцарскій поступокъ вызываетъ во мнѣ благородныя чувства, я все таки буду въ тиши молиться.

— О, Господи, да минетъ насъ чаша сія!

Robert Walser.

КЛОУНЪ.

Усталый послѣ спектакля, гдѣ переполненный циркъ цѣлый вечеръ надрывался со смѣху надъ его мѣткими остротами, онъ сидѣлъ теперь передо мной въ маленькомъ кабинетѣ ресторана и, вздыхая, разсказывалъ о своей жизни.

— Да! — говорилъ онъ утомленно, — тамъ, въ циркѣ, громъ аплодисментовъ, успѣхъ, блескъ, вниманіе тысячной толпы, и кажется, что ты нуженъ ей, а вернешься въ номеръ гостиницы — опять одинъ, и всѣ уже о тебѣ забыли и никому ты ненужень...

Онъ былъ еще и теперь хорошъ собой, этотъ пожилой и утомленный человѣкъ.

Онъ разсказывалъ мнѣ о своемъ дѣтствѣ, и это былъ печальный разсказъ объ одинокомъ ребенкѣ, лишенномъ материнскихъ ласкъ, бѣгствѣ отъ строгихъ педагоговъ въ ярмарочный балаганъ, скитаніяхъ съ балаганной труппой, гдѣ акробаты спали на голомъ полу подкладывая подъ голову собственныя ноги, и т. д.

Разсказалъ весь ростъ своей карьеры, какъ изъ неопытнаго маленькаго "рыжаго" онъ выросъ въ "извѣстнаго".

Путь артиста устилается шипами. За острое слово ему мстятъ ударомъ палкой сзади, истребленіемъ дрессированныхъ звѣрьковъ, отравленіемъ любимой ученой лошади и т. д., а, съ другой стороны, нужда вытаскиваетъ его изъ квартиры отъ постели умирающаго ребенка и вытаскиваетъ на арену...

Такова жизнь циркового артиста.

— Знаете, — наконецъ, сказалъ онъ, закуривая папиросу, — мнѣ хочется разсказать вамъ одинъ случай изъ моей молодости,

а именно — о моей женитьбѣ: исторія тоже довольно невеселая, но оригинальная.

Видите-ли, тогда мнѣ только что исполнилось двадцать одинъ годъ и я былъ на призывѣ въ солдаты. А въ цирковомъ мѣрѣ у меня уже образовалась маленькая извѣстность, публика меня любила, антрепренеры охотно приглашали и платили порядочно.

И была у меня Матильда — "дочь воздуха", такое милое юное существо, и любили мы другъ друга безумно. Ну, вотъ, какъ разсказалъ ей я, какая намъ съ ней предстоитъ разлука, — взвыла моя Матильда въ три ручья... А я и самъ не зналъ чѣмъ же ее утѣшить и какъ тутъ горю пособить. Чуть и самъ-то съ ней вмѣстѣ не хнычу. И до того мнѣ непереносно было видѣть ея слезы, что вырвался я отъ нея и въ шантанъ. Съѣлъ за столикъ въ уголку, спросилъ вина, и вдругъ кто-то положилъ мнѣ руку на плечо. Я вздрогнулъ и поднялъ голову: стоитъ надо мной кто-то высокій, на Мефистофеля похожъ. Вспоминаю, что гдѣ то видѣлъ я его, но не помню — гдѣ, и кто онъ — не знаю.

— Что, братъ, Антоша, пригорюнился? Горе, что ли у тебя какое?

На "ты" со мной.

Я не удивился: съ нашимъ братомъ артистомъ легко на "ты" сходятся, такъ что и не помнишь всѣхъ этихъ буфетныхъ и закулисныхъ пріятелей. Напрягаю память — гдѣ-то видѣлъ его и не могу вспомнить.

Однако, я сдѣлалъ видъ что отлично знаю его: начинаю разсказывать ему свое горе.

Выслушалъ меня и смѣется.

— А хочешь, я помогу тебѣ, Антоша?

Откуплю тебя от солдатчины, да еще и жено тебя: невеста молоденькая, красивая, и с деньгами...

Вижу — враль должно-быть, не обратил я внимания на его слова.

— Да, вѣрно, — кричить, — ну, по рукамъ, что-ли?

Кое какъ отдѣлался и ушелъ домой, а потомъ позабылъ совсѣмъ объ этой встрѣчѣ...

Прошло двѣ недѣли, Я попрежнему каждый вечеръ работалъ въ циркѣ, а съ предстоящей мнѣ солдатчиной совсѣмъ примирился. Вдругъ, какъ-то утромъ, постучали въ мою дверь, и входитъ "онъ"; опять въ парадномъ сюртукѣ, и даже съ цвѣткомъ въ петлицѣ.

— Здравствуй, Антоша! Ну, все готово, собирайся.

— Что готово?

— Да ты дурака не вайай. Карета готова — у подъезда стоитъ; ѣдемъ сейчасъ къ твоей невестѣ?

— Послушай, Антоша, я серьезно съ тобой говорю, а шутить тутъ глупо: я двѣ недѣли хлопоталъ, чтобы избавить тебя отъ солдатчины, потратилъ уйму денегъ, — когда женишься и возьмешь приданное, ты мнѣ ихъ возвратишь, — но все уже сдѣлано, въ солдаты тебя не возьмутъ, и ты долженъ сейчасъ ѣхать со мной на парадный обѣдъ къ невестѣ или, самъ пойми, иначе ты будешь подлецъ изъ подлецовъ! Подумай, въ какое положеніе ты меня поставилъ!.. Ну... убудетъ тебя что ли, если ты създишь по-

обѣдать въ хорошую патриархальную семью, самостоятельные люди, свой особнякъ, ну, създи и посмотри только, а главное — солдатчина-то — фю-фю-фо!

Растерялся я. Ничего сообразить не могу, да и какъ-то околдовалъ онъ меня.

Смотрю — ужъ на мнѣ фракъ и галстукъ.

Поѣхали.

Подкатили мы на рысакахъ къ шикарному особняку; зеркальныя окна, львы на воротахъ.

Входимъ.

Обстановка — крикливая роскошь: много шелка и золота; — и опять пахнуло на меня чѣмъ-то знакомымъ, словно все это я уже видѣлъ гдѣ-то, но — гдѣ не могу вспомнить и даже опредѣлить не могу.

Посидѣли мы въ гостинной и наконецъ, къ намъ вышла женщина — очевидно мама-ша невесты.

Толстая, съ жирнымъ двойнымъ подбородкомъ, въ серьгахъ крупные брилліанты.

Вышли еще какіе-то молодые люди, приличные, съ англійскимъ проборомъ, и, наконецъ, невеста.

Молоденькая, скромная дѣвушка, съ опущенными глазками, бѣленькая и, дѣйствительно очень хорошенькая: понравилась мнѣ.

Я подсѣлъ къ невестѣ. Глазъ не поднимаетъ, и только отъ нея и отвѣтъ: "да, мы бываемъ въ циркѣ", "я люблю", "видѣла васъ", "вы всегда имѣете успѣхъ" и такъ далѣе, но въ общемъ — ничего, скромненькая, милая дѣвушка.

Скоро позвали въ столовую. Обѣдъ былъ на славу.

Послѣ обѣда — музыка.

Проводили насъ, какъ родныхъ, приглашали бывать почаще.

Конечно, я въ тотъ же день рассказалъ

все Матильдѣ и просилъ ея совѣта: какъ же быть? Не жениться — солдатчина, а жениться — прощай Матильда!

Она, конечно, вмѣсто всякихъ разговоровъ — ревѣтъ! И слушать не хочетъ! Ревность одолѣла: не смѣй туда ѣздить, да и шабашъ! Даль ей слово плюнуть на все и итти въ солдаты.

Ну, вотъ, хоть слово-то я и даль, а самъ потихонько отъ нея все-таки сталъ туда ѣздить.

И скоро сталъ тамъ своимъ человѣкомъ и даже переѣхалъ къ нимъ въ домъ.

На бѣду мою, невѣста-то мнѣ стала все-резъ нравится, и сталъ охладѣвать къ Матильдѣ, мало-помалу отдалился отъ нея и почти уже рѣшилъ жениться.

Между тѣмъ, какъ-то очень скоро, насъ помолвили, и начались приготовления къ свадьбѣ.

Все-таки что-то скребло у меня на душѣ: противъ Матильды, да и въ невѣстѣ не былъ увѣренъ я: любить ли она меня?

Рѣшилъ я испытать ее.

Какъ-то цѣловались мы наединѣ и рассказали я, что меня мучить неуверенность въ любви ея.

Говорю ей:

— Въдъ мы помолвлены, обручены, черезъ нѣсколько дней насъ обвѣнчаютъ, мы теперь ужъ мужъ и жена: что можетъ значить для любви нашей обрядъ? Не все ли равно? Отдай мнѣ до вѣнчанія! Сегодня, ночью, я приду къ тебѣ!

Хоть ничего она мнѣ не отвѣтила, только задрожала и вся прижалась ко мнѣ, однако, я принялъ за согласіе и поздно ночью, когда всѣ уснули, я тихонько пришелъ къ ней, какъ мужъ.

Не успѣлъ обнять ее, какъ дверь открылась, и въ спальню вошелъ "онъ" со свѣчей въ рукѣ.

Трагическимъ голосомъ проповѣдника онъ сталъ читать намъ нотацию о святости и чистотѣ до брака, я разозлился и ушелъ къ себѣ...

Такъ и не досталось мнѣ жена до вѣнчанья...

Особнякъ горѣлъ огнями, люстры, золото, брилліанты, толпа гостей.

Съ моей стороны тоже пришли гости: товарищи-артисты, которыхъ я хотя и пригласилъ, но зналъ, что они глубоко возмущены противъ меня за поступокъ съ Матильдой, и боялся. Такъ и вышло: за ужиномъ главный изъ нихъ поднялъ тостъ за здоровье Матильды и сказалъ рѣчь о подлецѣ, бросившемъ ее для "всѣмъ извѣстныхъ грязныхъ денегъ".

Тутъ же, по окончаніи рѣчи, всѣ они разомъ встали и демонстративно ушли.

Я остался, какъ оплеванный. Скоро гости разѣхались, и мы съ женой удалились въ нашу общую спальню...

Вы понимаете, конечно, черезъ нѣсколько минутъ я убѣжалъ отъ нея съ отчаяннымъ крикомъ, съ проклятіями и слезами. Меня обманули, меня использовали по заранѣ обдуманному плану какіе-то темные, непонятные для меня люди!..

О! какъ я страдалъ!.. Не то меня оскорбило, что жена моя не оказалась невинной, а то, что отъ меня это скрыли до свадьбы, что меня женили при помощи обмана!

Всю ночь я метался по своей комнате, какъ звѣрь въ клѣткѣ, и не заснулъ ни на минутку. Жена вышла въ шикарномъ капотѣ, заплаканная. Не сказали мы другъ другу ни слова и разошлись на всегда.

Охъ, запилъ же я тогда! Собралъ своихъ цирковыхъ и — пока меня не проститъ Матильда — рѣшилъ не прекратить гульбы. Такъ съ цѣлой оравой гимнастовъ, цирковыхъ силачей я странствовалъ по кабакамъ и труппобамъ.

Весна идет!

Не день, не два и не одну ночь все это было: долго гуляли мы.

Вот, однажды, попали мы в эти самые веселые дома: переходимъ изъ дома въ домъ, вездѣ пьемъ, танцуемъ, угощаемъ дѣвицъ, дурачимся. Обошли всю улицу, — большае некуда итти. Тутъ одинъ изъ нашихъ говорить: пойдѣмъ въ самый аристократическій, куда только знакомыхъ пускаютъ! Я имѣю туда входъ!..

Поѣхали въ "аристократическій". Позвонили. Впустили насъ. Вотъ входимъ мы въ богатый домъ, а въ залѣ музыка: рояль и скрипка.

И вижу я:

На рояли аккомпанируетъ моя милая теща, въ своемъ любимомъ лиловомъ платьѣ, на скрипкѣ играетъ мой сватъ и другъ — "онъ" — ея сожитель, сутенеръ, растлитель ея дочери — моей жены...

Клоунъ замолчалъ, глубоко вздохнулъ, и провелъ блѣдной красивой рукой по чернымъ густымъ волосамъ.

— Чѣмъ же кончилось? — спросилъ я.

— Чѣмъ кончилось?.. Даль я ему великолѣпный ударъ въ животъ ногой, крикнулъ своимъ: "Бей все!" Разгромили мы учреждение, все переломали, изодрали, исковеркали, били зеркала и такъ далѣе...

— Да не объ этомъ! — возразилъ я: встрѣчались ли вы потомъ съ вашей женой?

— Никогда! Ее вскорѣ опять таки выда-

ли замужъ за одного актера — настоящаго его имени я не назову, назовемъ его хотя Филимоновымъ, — съ тѣхъ поръ прошло двадцать лѣтъ, они оба живы, счастливы, богаты, но я, конечно, никогда больше не встрѣчался съ ней.

— Только вотъ что случилось со мной не такъ давно, всего года два назадъ.

Былъ я только въ балетѣ, понравилась мнѣ одна хорошенькая брюнетка, хорошенькая балерина.

Я рѣшилъ съ нею познакомиться. Въ антрактѣ захожу за кулисы, стучусь къ ней въ уборную.

Вдругъ меня кто-то за рукавъ: оглядываюсь — пріятель, драматическій актеръ, качаетъ укоризненно головой: Ахъ ты старый грѣховодникъ! Это ты къ Филимоновской лѣзешь? — Къ ней, къ ней самой говорю, пофлиртовать, а что-жъ такое! Да какъ же, говорить, ты это къ законной то своей, къ родной то дочери, не хорошо!

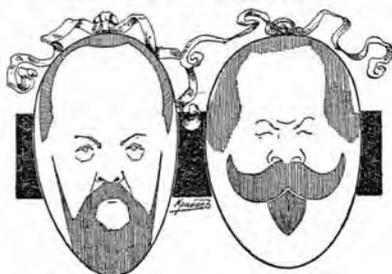
Старый клоунъ невольно сдѣлалъ одну изъ своихъ комическихъ ужимокъ и воскликнулъ вставая: Табло!

Мы оба смѣясь встали изъ-за стола.

Было поздно.

Р. У.

Къ борьбѣ съ пьянствомъ.

Модныя пасхальныя яички

ВНИМАНИЮ г. г. КУРАЩИХЪ!!!

Одесское Отдѣленіе
Дерибасовская 13.
табачн. фабр.

В. О. СТАМБОЛИ
въ Феодосіи.

Рекомендуеъ зайти и убѣдиться
въ высокомъ качествѣ папиросъ

Л И Г И Я,	10 шт. 6 к.	СТУДЕНЧЕСКІЯ
АРОМАТНЫЯ,	25 шт. 15 к.	И ЮЖНЫЯ

а также ТБАКОВЪ „ЛЮБИТЕЛЬСКИХЪ“
цѣны отъ 1 р. 84 к. до 18 р. за фунтъ.

ЕСЛИ ВЫ желаете получить ан-
гажементъ, печатайте
въ нашемъ журналѣ
такъ какъ онъ печатается въ громадномъ коли-
чествѣ и рассылается по всѣмъ театрамъ Россіи.

НУЖНЫ

энергичные агенты (муж-
чины и женщины) для
сбора объявленій. Суво-
ровская (М.-Армаутская)
117, кв. 14. Пріемъ отъ
10 до 12 и отъ 4 до 6 дня.

ТЕАТРЪ МИНИАТЮРЪ

Дашгероновская д. Скаржинской.

Жедѣля безпрерывнаго хохота.

ГАСТРОЛИ

извѣстнаго артиста театра „Соловцевъ“

К. Г. ЛАВРЕЦКАГО

Грандъ Скетингъ-Ринкъ.

Греческая улица, рядомъ съ „Альказаромъ“.

ЕЖЕДНЕВНО

**ИГРАЮТЪ ДВА ОРКЕСТРА
МУЗЫКИ.**

Сеансы дневные и вечерніе.

„ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕАТРЪ“

бывш. Островскаго,

Дирекція І. ШВАРЦЪ и Ко.

Подробности въ афишахъ.

Элентрическій Театръ

„ХХ ВЪКЪ“

Ришельевская ул. да уг. Базарной.

Послѣднія

новинки

СТОДИЦЪ МІРА.

Театръ-Иллюзіонъ

„С Л О Н Ъ“

С. И. Саркизова и К^о

Мясоедовская, 24.

Анонсъ! Со вторника 10 Мая будетъ
демонстрироваться картина для
В З Р О С Л Ъ Х Ъ

Отвѣтственный за объявленія А. А. Брусиловскій.